

П. Епифанов

ПСКОВСКИЙ «НАРЯД» 1696 г.

Военные историки почти не использовали многочисленные описи русской артиллерии («наряда»), как опубликованные¹, так в огромном большинстве еще не извлеченные из наших архивов. Большое количество подобных рукописей хранится в делах Разрядного приказа (ЦГАДА) в виде так называемых «сметных», «смотренных» или «росписных» списков. Эти списки дают богатый материал для истории русской артиллерии XV—XVII вв. Музейных образцов древних орудий сохранилось немного². Время место и способы их использования в большинстве случаев не могут быть установлены. Музейные образцы ценные, главным образом, для изучения эволюции техники артиллерийского производства (способы изготовления орудий, их вес, металл, конструкция и пр.). Дата отливки, название пушки, имя мастера — вот краткая «легенда», типичная для древних орудий. На основании только этих данных трудно и по существу невозможно восстановить картину развития русской артиллерии.

Современные описи, составленные воеводами и специалистами-пушкарями, дают весьма подробное представление о «наряде», состоящем на вооружении полевых войск или крепостных гарнизонов в данный момент. Это своего рода моментальные «фотографии», раскрывающие живую и яркую историю артиллерии в ее реальном развитии. Описи позволяют с большой точностью установить время появления и распространения новых типов орудий и снарядов (отечественного и иноземного изготовления), общую численность «наряда» на Руси в XVI и XVII вв., а также в отдельных войнах и походах, войсковых соединениях и крепостях, способы боевого применения артиллерии, количество обслуживающих ее пушкарей, новые имена русских пушечных мастеров XVI—XVII вв. и т. д. Одна опись Смоленского наряда 1670 г. пушкарского головы Прохора Шубина³ позволяет пополнить список дессле неизвестных русских пушечных мастеров тремя новыми именами «Андреев ученик Петр Савельев»⁴, Филипп Боранов, Алексей Меркульев⁵.

¹ Дополнения к Актам Историческим (ДАИ), т. V, № 51, т. VII, № 28, т. VIII, № 28, т. IX, № 106, т. X, № 70 и др.

² Н. Бранденбург за XV—XVII вв. дал описание всего 97 орудий. Список этот, конечно, не полон (описаны лишь образцы СПб артиллерийского музея). Исторический каталог СПб Артиллерийского музея, ч. I, СПб, 1877.

³ ДАИ, т. V, № 51.

⁴ Вероятно, ученик знаменитого А. Чохова. Известны имена еще пяти его учеников. См. В. Железнов, указатель мастеров русских и иноземцев... работавших в России до XVII в. СПб. 1907 г.

⁵ Эти имена не названы у Н. Бранденбурга и В. Железнова. По неопубликованным описям установлены имена еще трех пушечных мастеров XVII в.: Еким Осипов, Федор Кирилов, Михайла Суворов. ЦГАДА, ф. Разряда, Киевский стол, кн. 36, лл. 935—938; Севский стол, кн. 5, л. 75, об. Всего теперь известны имена 81 мастера за XVII в.

Подсчет артиллерии по описи городов 1678 г.¹ дает по 136 городам русского государства огромные для того времени цифры в 3437 орудий разного типа и 2863 человек пушкарей и затинщиков. Вместе с нарядом Смоленска², Киева³, Архангельска и Холмогор⁴ русская артиллерия в 70—80-х гг. XVII в. представляла собою грозную силу в 4000 орудий (без Москвы, сибирских и некоторых других городов). Таким образом, цифру в 4,5—5 тысяч орудий для 2 половины XVII в. можно считать вполне достоверной.

Кроме того, описи дают ценные сведения о производстве артиллерийских припасов, о Пушечных и Казенных дворах (арсеналах) в ряде городов русского государства (например в Пскове, Новгороде, Киеве и др.), о мероприятиях правительства по усовершенствованию артиллерии, о повседневной деятельности Разрядного, Пушкарского, Иноземского и др. приказов по снабжению артиллерийскими припасами армии и крепостей, об административной и тактической организации артиллерии и т. д. Особый интерес представляют описи «наряда» второй половины XVII в., т. е. периода, непосредственно предшествовавшего коренной реформе русской артиллерии при Петре I. Среди этих описей наше внимание привлекла опись псковского «наряда» 1696 г. Она обнаружена в «Сметной книге» г. Пскова с пригородами, учиненной в 1696 г. по указу в. г. Иоанна и Петра Алексеевичей и приказу ближнего стольника и воеводы И. С. Салтыкова. Книга содержит опись «Государства псковского ратным и всяких чинов жилецким людям по имени и городом и башням что по мере и что какова наряду и зелья и свинцу и иных всяких припасов...»⁵. В сравнении с ранее опубликованной описью 1678 г.⁶ мы находим здесь очень подробную, можно сказать — исчерзывающую характеристику псковского «наряда» в самом конце XVII в., накануне Великой Северной войны.

По сметной книге 1696 г. «во Пскове три города каменных»: «Кремль, мерою кругом по стене и с башнями семьсот семьдесят семь сажень, внутри города в длину сто семьдесят, поперек сорок девять сажень; середний город, мерою по стене кругом восемьсот четырнадцать сажень с четвертью, внутри триста двадцать сажень, поперек тож; город Большой окольней, мерою по стене кругом две тысячи девятьсот восемьдесят семь сажень с четвертью, внутри в длину триста шестьдесят две сажени, поперек двести пятьдесят сажень» (л. 98). На этом пространстве «по городу и по воротам и по башням и в раскатах» было расположено 85 орудий разного типа. Познакомимся с расстановкой этих орудий. «На площади против Власьевских ворот в каменном шатре пищаль большая медная Аспид, в станку и на колесах, мерою в длину семь аршин (!) и лятора вершка», ядром в 45 гривенок и такая же пищаль «прозванием Медведь», «мерою шесть аршин з двемя вершками», ядром в 40 гривенок; обе отлиты в 1590 г. Здесь же на площади «у городовой Домантовой стены в новопостроенном каменном анбаре» находилась «пищаль нововылитая прозванием Раномыжская на волоках мерою семь аршин и полчетверти вершка», ядром 20 гривенок, отлитая в 1689 г., большие пищали (6—7 аршин) Барс, Соловей и Грановитая, литые в 1537 году и 16 пищалей «галанок», мерою в длину 3—5 ар-

¹ ДАИ, т. IX, № 106.

² Там же, т. V, № 51/III.

³ Там же, т. X, № 33.

⁴ Там же, т. X, № 70.

⁵ ЦГАДА, ф. Разряда Новгородский стол, кн. 66. Ростись артиллерии на л. 98—179.

⁶ ДАИ, т. IX, № 106.

шин с вершками, ядром в 47—50—55—58 гривенок, отлитые в 1633—1636 гг. Все эти «галанки» иноземного производства, как можно судить по стереотипной пометке в описании каждой из них: «а на ней высечена подпись... лита в ахлд (1634) году, а по переводу по русски во рнд (154) году»¹. Любопытно, что иноземные «галанки» представляют столь же пеструю картину в отношении своих конструктивных данных, как и орудия русского производства: среди 16 пушек нет двух вполне сходных по длине ствола, весу и калибру, хотя по своему типу все это одинаковые орудия.

В Окольном (Большом) городе орудия были расставлены на боевых «позициях» — по башням и воротам, в верхних, средних, нижних и подошвенных «боях» (бойницах).

Так, «в первой башне на Власьевских воротах» в верхнем бою стояла пищаль медная полуторная, в среднем и нижнем бою две пищали полковые, все в станках на колесах, и кроме того, пищаль «прозванием Левик ругодивского привозу», отлитая в 1637 г. Далее, на стене, против церкви Воздвижения, «где наперед сего был роскат» — пищаль затинная «прозванием Хвостуша» на вертлюге, из которой стреляли свинцовыми пулями. Под нею в нижнем бою — пищаль полковая дробовая (для стрельбы железным дробом). На раскате между Власьевскими и Плоскими воротами железная пищаль хвостуша и медная полуторная, а на плоских воротах — легкая полковая пищаль ядром в 1½ гривенки.

Сильной «батареей» были снабжены Егорьевские ворота. Здесь «на роскате» находилась пищаль медная волконея (фальконет) с тремястами свинцовых пулек и две полковые пушки, ядром «весом и по кружалу по полтрети гривенки», т. е. калибром в 2½ ф. В среднем и нижнем бою стояли две полковые пищали по 6 и 2 гривенки ядро. На Свинахской башне «в захабе» — полковая пищаль ядром в 2½ гривенки.

Великие ворота оборонялись двумя железными пищалами «прозванием Чугунные» по 4 и 5 гривенок ядро и одной медной полуторной в 6 гривенок, отлитой в 1590 г. Кроме того, «против Великих ворот на земли» стояла «пищаль большая прозванием Лев на волоках, мерою семь аршин полпята вершка», ядром в 40 гривенок, отлитая в 1590 году.

На Сокольских воротах в верхнем бою пищаль полуторная в 4 гривенки и в захабе — чугунная в 6 гривенок; длина ствола у первой — 3 аршина 6 вершков, у второй — 3 аршина 6 вершков.

На Труховских воротах — пищаль полуторная «копочецкой присылки» в 2 гр., лита в ахлд (1634) году, а по переводу по русски во рнд (154) году, т. е. иноземного происхождения, и рядом — вкладень железный дробовой (для стрельбы железным дробом). Следующие Перловские ворота подобно Егорьевским были снабжены очень сильной батареей. В верхнем бою здесь стояла пищаль полуторная в 6 гривенок, в нижнем — пищаль железная «в станку и на колесах дощатых» для стрельбы свинцовыми пулями и пищаль полковая в 1½ гривенки, а против ворот «на земли под шатром» «пищаль большая медная прозванием Троил, на волоках, мерою 6 арш. 9 в.», ядром в 60 гр., отлитая в 1590 г.

Столь же основательно оборонялись угловая Михайловская башня. Как часто и в других местах, в верхнем бою этой башни сто-

яла полуторная пищаль в 6 гривенок, с среднем бою — тюфяк дробовой, в нижнем бою — две легкие полковые пушки в 1½ гривенки.

На Грановитой башне у верхних решеток находим две полковые пищали по 1½ гривенки. Далее на Кузьмодемьянской гремячей Круглой башне в верхнем бою пищаль полковая в 2 гривенки, в среднем — две железных хвостуши и в нижнем — пищаль железная (три последние для стрельбы свинцовыми пулями). В верхнем бою Гремячих ворот — пищаль полуторная в 6 гривенок (литая в 1586 г.) и железный вкладень со свинцовыми пулями, в нижнем бою — «полковая в колоде» (т. е. без лафета с колесами) в 1½ гривенки ядро.

В верхнем бою Толокнянской башни — пищаль полуторная дробовая и пищаль «складная в колоде с тремя кольцами» — обе стреляли железным дробом. На Глухой башне и Ограском захабе сголяло по одной полуторной пищали в 6 гривенок, одна из них «немецкая»; русская лита в 1590 году. На Ильинских и Быковских воротах в верхнем бою по две хвостуши (пулечные и по одной полковой пушке в 1½ и 3 гривенки ядро.

Далее находились сильно укрепленные Варламские ворота. В верхнем бою здесь стояла пищаль полуторная в 6 гривенок ядро, в нижнем — полуторная дробовая (немецкая — лита в 1634 г.) — полковая в 1½ гривенки, а против ворот на земле — огромная, в шесть аршин длиной, ядром в 25 гривенок, пищаль «прозванием Соловей», отлитая в 1590 г. Огонь этой батареи должны были поддерживать пищали, расположенные на угловой Варламской башне — в верхнем бою полуторная, в среднем — полуторная Левик, обе в 6 гривенок (Левик выпит в 1590 г.), в нижнем — полковая в 1½ гривенки.

У нижних решеток на Круглой башне в среднем бою стояла пищаль скорострельная в 1½ гривенки и дробовой тюфяк, и у нижних решеток («над Псковою рекой») на Плоской башне с среднем бою — полуторная в 6 гривенок, в среднем — волконея на вертлюге (отлитая в 1543 году!), в подошвенном — два дробовых тюфяка.

Так выглядело артиллерийское вооружение Пскова в мирное время. Весь этот «наряд» обслуживало 80 постоянных пушкарей во главе с «нарятчиком» Григорием Шарином. Поименный список 80 пушкарей, 20 городовых воротников и 20 пушкарских детей в возрасте от 10 до 20 лет приведен в «Сметной книге» на лл. 53—61. Из пометок в книге видно, что пушкари, кроме своих непосредственных обязанностей, занимались посторонними заработками. Так, например, пять пушкарей (в том числе и Григорий Шарин) были площадными подъячими.

Сметная книга не дает сведений о закреплении пушкарей за определенными башнями и орудиями. Но можно предполагать, что такая распись пушкарей в Пскове существовала, как это практиковалось и в других крепостях, например, в Смоленске¹.

Кроме орудий, которые находились на местах в постоянной боевой готовности и придавали Пскову даже в мирное время вид вооруженной крепости, псковский — «наряд» в 1696 г. располагал большим артиллерийским резервом. Этот резерв давал возможность с началом военных действий значительно усилить артиллерийское оснащение крепости и пополнять убыль орудий и боеприпасов в ходе боев. Запасный «наряд» хранился на «государском казенном дворе», где были устроены «банбары» для хранения пушек и ядер, а также «Зеленая палата». На площади Казенного двора хранились шесть пищалей, в том числе

¹ Во всех случаях перевода летоисчисления составитель описи считает от сотворения мира не 5508, а 5520 лет.

ДАИ, т. V, № 51.

три дробовых, отлитых в 1655 году, две волконеи времен Ивана III (литы в 1498 году!) и «пищаль верховая (мортира) огненная прозванием Ягуль», — также очень древняя (1587 г.).

«На Казенном дворе в анбаре» хранилось 310 железных орудий, в том числе 20 пищалей чугунных разных конструкций, 20 тюфяков, 19 хвостуш, 147 затинных пищалей, 104 затинных стволов, 10 затинных колесных и несколько порченых пищалей. «На казенном же дворе под особым анбарам хранился «наряд», изготовленный по указу в. г. в Новгородский полк. В том числе было 14 пищалей «Новгородской присылки»: три полуторных, одна скорострельная и десять полковых (все медные). Все эти пищали находились в полной боевой готовности: «и к тем ко всем пищалям учинены станки новые с дышлами и с вертлюгами и колеса окованы железом» (л. 118). Каждая из этих пушек была снабжена сотней ядер. Интересно, что из 10 полковых пушек три были ядром «в полчетверти гривенки», а семь — в две гривенки. Здесь уже заметна некоторая «стандартизация» орудий по фунтовому калибру. В этом же анбаре описано две пищали «Опочецкой присылки»: одна полуторная и одна полковая. Наконец, в нем же стояло 13 орудий «псковского наряда»: 11 полковых и полуторных и 2 «верховых огненных».

Таким образом, «наряд» г. Пскова в 1696 г. состоял из 430 орудий¹. Если исключить из этого числа 260 небольших затинных пищалей (предназначенных для полевых сражений, но пригодных также и для обороны крепости), то остается 170 пушек, которые могли быть использованы при защите крепостных стен.

Весь этот «наряд» — был обеспечен большим запасом ядер и гранат разного устройства. К пушкам на башнях и воротах и в двух анбара Казенного двора имелось 5955 ядер.. Кроме того, в специальном анбаре на Казенном дворе и в Зеленой палате (кроме железного дроба и свинцовых пулек) хранилось 12 819 ядер и гранат (разрывных снарядов) «наряженных» и «тощих». Общее число снарядов составляло 18 774. Среди них отметим снаряды особого устройства — «цепные», «вертлюжные», «певцовьые». В Зеленой палате изготавлялся порох. В Пскове существовал Пушечный двор с оборудованием для литья пушек. В книге отмечено, что несколько пищалей отдано на «Пушечный двор в литье на новую Рапсомыжскую пищаль» (л. 127 об.). В книге описано пушкарское оборудование Пскова, в том числе — наковальни, кузнецкие меха, «четырнадцать кружал с рукоятками железными во что ядра разбирают», воротовой крюк Пушечного двора, подъем пушечный, долота, фурмы, сверла, щупы железные, топоры, буравы, тесла и т. д.

Эта арсенальная база вполне позволяла в мирное время поддерживать «наряд» в надлежащем состоянии, а в случае военных действий производить ремонт и пополнение крепостной артиллерии боеприпасами.

Большую часть (90 из 170) лучшего «наряда» г. Пскова представляли собой медные орудия.

За исключением 20-ти пушек иноземного происхождения, все остальные орудия были русского производства.

¹ В это число мы не включили «пять пищалей коженных», хранившихся в первом анбаре. Наличие коженных пушек в Пскове весьма любопытное явление. Коженные пушки в Западной Европе применялись Густавом-Адольфом в годы 30-летней войны. Были ли псковские коженные пушки русской конструкции, или заимствованы у шведов — сказать трудно. Коженные пищали имелись в других городах Русского государства. Об их конструкции дает некоторое представление следующая запись в книге: «и те все коженные пищали обняты в длину полосами и поперег железными обручами с кольцами, а в середине трубы медные» (л. 112 об.) преимущества коженных пушек заключались в их небольшом весе и подвижности.

При ознакомлении с псковским «нарядом» бросаются в глаза характерные черты допетровской артиллерии XVII в. Это прежде всего чрезвычайная пестрота калибров и конструктивных данных орудий. Девяносто пищалей с точно указанным фунтовым (в гривенках и их долях) весом имели 29 различных калибров — от 60 до $\frac{1}{8}$ гривенки. Эта пестрота сохранялась и в границах однотипных орудий. Так, среди полуторных пищалей мы встречаем орудия шести фунтовых весов ($\frac{1}{8}$ — $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ —2—4—6), среди полковых восьми весов ($\frac{1}{8}$ — $\frac{3}{4}$ —1— $\frac{1}{2}$ —2— $\frac{1}{2}$ —3—4), среди тяжелых «галанок» четырех весов (47—50—55—58).

О несоответствии основных конструктивных данных (вес орудия, вес ядра, длина ствола) можно судить по следующей таблице:

Тип орудия	Вес ядра	Вес орудия	Длина ствола
Галанки	47 гр.	202 п. 20 гр.	4 арш. $8\frac{1}{2}$ в.
	47 "	214 " 10 "	5 "
	47 "	196 " 30 "	4 " $8\frac{1}{2}$ "
	50 "	204 " 25 "	3 " $8\frac{1}{2}$ "
	50 "	215 " 20 "	4 " $8\frac{1}{2}$ "
	50 "	214 " 20 "	4 " 9 "
	50 "	209 " 20 "	5 " $8\frac{1}{2}$ "
	50 "	203 " 30 "	4 " $8\frac{1}{2}$ "
	50 "	208 " 25 "	4 " $8\frac{1}{2}$ "
	55 "	207 "	4 " $6\frac{1}{2}$ "
	55 "	220 "	4 " $6\frac{1}{2}$ "
	55 "	217 " 20 "	4 " 7 "
	55 "	198 "	4 " $8\frac{1}{2}$ "
	58 "	232 "	4 " 7 "
	58 "	231 "	7 " 7 "

Здесь не находим ни одного полного и лишь в отдельных случаях весьма приближенные совпадения. Аналогичную картину дают все остальные категории пищалей. Сохранившиеся музейные образцы древних орудий дополняют эту картину ярко выраженным несоответствием веса орудий и толщины стенок ствола их весовому калибру. Отсутствие точных технических расчетов и слабое знакомство с взрывными свойствами пороха (при весьма неустойчивом качестве его) приводило к тому, что пушечные мастера отливали стенки ствола, цапфы и другие детали тела орудия с большим запасом, на основании лишь эмпирических данных. Это утяжеляло орудия и сильно влияло на их тактические свойства.

Характерными в этом смысле являются (как можно судить по их весу и длине ствола) и иноземные галанки, и особенно русские «большие» (именные) пищали, среди которых встречаем колоссальные орудия с длиной ствола в 5—7 аршин и весом ядра 20—60 фунтов.

Вторая черта — многотипность орудий. В Пскове, как и в других городах крепостях, мы встречаем пищали — большие, галанки, полуторные, полковые, тюфяки, волконеи, дробовые, хвостуши, затинные, скорострельные и т. д.

Наконец, третья характерная черта наряда XVII в. — разновременность происхождения орудий, сохранившихся на вооружении. В псковском наряде можно выделить несколько основных групп орудий, отлитых в 80—90 гг. XVI в., в 30—50 гг. XVII в. Крепость обороняли и волконея 1498 г., и большая пищаль Троил 1520 г., и по-

лупорная немецкая 1653 г., и две иноземные дробовые пищали, отли-тые в 1655 г. Последние были самыми «молодыми» орудиями в Пско-ве — им было «всего» по 40 лет, в то время, как волконея Ивана III служила уже ровно 198 лет!

Для правильной оценки боевого значения псковского наряда 1696 г. следует помнить, что аналогичные черты характеризуют и западно-европейскую артиллерию XVII в. По словам Ф. Энгельса, «малые калибры в ту эпоху были подвижны, но производили ничтожное действие; крупные калибры давали достаточный эффект, но были мало подвижны; пушки же средних калибров как по своему действию, так и в отношении подвижности не могли в достаточной мере удовлетворить всем требованиям. Вследствие этого сохранились все калибры, и вдобавок разные орудия соединялись в одну общую массу, так что каждая батарея состояла обыкновенно из настоящего ассортимента всех орудий... В добавок размеры орудия и лафета не были одинаковы даже для одного и того же калибра, так как повсюду сохранилось еще очень много пушек старой конструкции и существовали большие различия в конструкциях у различных заводов одной и той же страны...»¹. Все же псковский наряд 1696 г. представлял внушительную силу, особенно грозную для противника, который решился бы штурмовать крепость. Сравнивая состав русской артиллерии XVI в. и конца XVII в., нельзя не отметить также ряд новых явлений, прежде всего, некоторую стандартизацию типов и калибров орудий. Строгое деление орудий по их баллистическим свойствам и боевому назначению (мортиры, пушки, гаубицы) было введено в России лишь при Петре I. Однако переход к мануфактурному производству орудий в XVII в. не мог не привести к известной стандартизации их конструкций. Это явление отразилось на составе и псковского наряда.

В общей массе псковских пищалей резко выделяются три группы орудий производства XVII в. Это иноземные «галанки» (16 орудий) и русские полуторные (22 орудия) и полковые (39 орудий). Весовые калибры галанок приведены выше. Из 22 полуторных пищалей 12 было 6-фунтового калибра, из 39 полковых — 11 орудий 1½ фунтового и 10 — 2-фунтового калибра. Эта тенденция подтверждается многочисленными описями наряда второй половины XVII в., а также данными о производстве орудий на железоделательных заводах. Так, например, в составе Киевского наряда 1697 г. имелось 40 полковых пищалей 2-фунтового калибра, 9 пищалей 3-фунтового, 9 пищалей 1½-фунтового, 10 пищалей 6-фунтового². В 1673 г. в числе отпущенных с тульских заводов пушек было:

9 орудий	— 6 ф.
30	— 2 »
6	— 1 ½ »
в наличии оставалось:	
50	орудий по 1 ½ ф.
16	« по ¾ ф.
13	« по ¼ ф. и т. д. ³ .

* * *

Приведенные выше факты обнаруживают полную несостоятельность традиционного в военно-исторической литературе представления о том, что Петр I потерял в начале Северной войны в сражении под Нарвой

¹ Энгельс, Ф. Избранные военные произведения, т. I, стр. 211. М. 1940.

² ЦГАДА, ф. Разряда, Киевский стол, кн. 32, л. 97—98.

³ Крепостная мануфактура в России, ч. I, стр. 411—413, Л. 1930.

19 ноября 1700 г. всю артиллерию, которой он мог располагать, и только это обстоятельство заставило его приступить к реконструкции артиллерии. К сожалению, эти взгляды некритически воспроизводятся в работах некоторых советских историков. Так, А. К. Сиваков в специальной статье, посвященной 550-летию русской артиллерии, утверждает, что после Нарвы у Петра I осталось только 12 орудий и именно «для восстановления утраченных орудий» (?) он «реквизировал церковные колокола»¹. Совсем анекдотически звучат слова автора о создании при Петре I каких-то «объединений кустарей в артели» в целях... стандартизации калибров! Впрочем, автор попутно объясняет поражение русских войск под Нарвой тем, что «шведский король Карл XII в решающий момент сделал вылазку из крепости (!) и сравнительно легко разбил русскую армию»...².

Легенда о потере всей артиллерией под Нарвой нашла место и в недавно вышедшей книге Б. С. Тельпуховского о Северной войне. По словам автора, Петр I взял под Нарву «почти всю русскую артиллерию» и «после нарвской битвы... лишился почти всей артиллерии», поэтому он снял с церкви колокола и поручил Виниусу «изготовление артиллерии»³. Мы видели, что вся русская артиллерия составляла в это время до 5000 стволов и один только псковский наряд в два раза превышал численность русской артиллерии под Нарвой.

Точное представление о псковском «наряде» перед началом Северной войны позволяет, думается, подойти с несколько иной точки зрения и к оценке стратегических соображений Карла XII в начале войны. На вопрос, почему Карл XII не использовал плоды своей победы под Нарвой и не продолжил своего наступления вглубь России, военные историки единодушно отвечают, что «Нарвская победа ослепила Карла XII», что Августа II «он считал более опасным противником» и, обратив против него свои главные силы, совершил тем самым «стратегическую ошибку»⁴, что после того, как Карл XII нанес русской армии под Нарвой «смертельную рану», он, считая «главным своим противником Августа II», «расчитывал нанести сокрушительный удар по саксонской армии, а потом мимоходом окончательно расправиться с Петром»⁵. Б доказательство приводятся имеющие характер исторического анекдота слова Карла XII, который якобы не видел «никакого удовольствия (!) биться с русскими, потому что они не сопротивляются, как другие, а бегут...» Все это не может не вызвать недоумения тем более, что автор цитируемой книги сам прекрасно показал, что русские войска под Нарвой (особенно полки гвардии на правом фланге и дивизия А. Вейде на левом) упорно сопротивлялись атакам противника и победа была одержана шведами в результате ожесточенных боев.

Приведенные взгляды на стратегию Карла XII в начале Северной войны страдают недооценкой военной мощи России и реальной обстановки войны. Русская армия под Нарвой не была уничтожена. Потеряв под Нарвой не более 1/5 своего состава, дивизии Головина и Вейде были быстро приведены в порядок в Пскове. К Новгороду подошла свежая пехотная дивизия Н. Репнина с казаками. На пути возможного

¹ Сивков, А. К. 550 лет русской огнестрельной артиллерии. Известия Артиллерийской академии им. Дзержинского, стр. 17. М. 1940.

² Там же.

³ Тельпуховский, Б. С. Северная война, стр. 30, 44. М. 1946. Автор в одном месте пишет, что «к концу царствования Петра I в русской артиллерии числилось 9 тысяч орудий» (стр. 45), а в другом, что «по ведомости 1723 г. русская артиллерия состояла из 261 орудия» (стр. 172). Проверить эти цифры нельзя, так как ссылок на источник своих сведений автор не приводит.

⁴ Разин, Е. История военного искусства, ч. 2, стр. 366. М. 1940.

⁵ Тельпуховский, Б. С. Цит. раб. стр. 44.

вторжения Карла XII лежали две мощные русские крепости — Псков и Новгород, укреплением которых Петр I и занялся с присущей ему энергией. Эти крепости не были беззащитными, оголенными в результате «смертельной раны», якобы нанесенной шведами русской армии и мифической потери «всей русской артиллерии». С псковским нарядом мы познакомились. Не менее внушительную силу представлял собой и Новгород с его каменной крепостью и 158 артиллерийскими орудиями, расставленными в бойницах 9 башен и на пряслах четырех городских ворот, с его солидным артиллерийским резервом, сосредоточенным в двух амбара Новгородского Пушечного двора¹. В составе новгородского наряда имелось 23 мощных ломовых пушки, 19 полуторных, 10 полковых, 8 дробовых, 5 верховых (мортир) и т. д.

Осада Пскова и Новгорода в этих условиях грозила шведам неприятными осложнениями. Нечего было и надеяться на то, что Псков и Новгород капитулируют без упорного сопротивления. Карл XII, любивший военную историю, должен был знать о неудачной осаде Пскова его прославленным предком Густавом-Адольфом в 1615—1616 гг. Шведская разведка, несомненно, располагала сведениями о действительном состоянии гарнизонов Пскова и Новгорода. Неудача или даже затяжка осады Пскова и Новгорода могли свести на нет блестящие успехи Карла XII под стенами Копенгагена и Нарвы. Наконец, сам собой разумеется, Карл XII не мог рисковать бесперспективным вторжением в Россию, оставляя у себя в тылу и на «фланге» нетронутые боевые силы Августа II — союзника Петра I. Все эти обстоятельства не могут не поколебать «психологического» объяснения «стратегической ошибки» Карла XII, вызванной якобы его самонадеянностью и презрением к поверженной впрах России, с которой можно было расправиться «мимоходом». Да и ошибки никакой Карл XII не совершил. Россия была его главным противником. Но прежде чем обрушить свои силы против Петра I, он должен был вывести из войны его последнего союзника — Августа II. Эта задача диктовалась общей военной и сложившейся в 1700 г. стратегической обстановкой.

¹ ЦГАДА, ф. Разряда, Новгородский стол, кн. 71. Опись новгородского наряда по состоянию на 27 января 1700 г. на л. 5—32.